

СКАЖИ МЯЦУ, ВЕДЬМА

Дом проклятых кошек

Дорога проклятых кошек

Глава 1

КОНЬЯК И ДЕВИЧЬЯ ФАМИЛИЯ

— **Ч**тоб ты знал, я тебя ненавижу.

— Чего это?

— Стоило мне отлучиться, чтобы проследить за кормёжкой лошадей, как ты коварно воспользовался моим отсутствием и... взял нам комнату всего с одной кроватью!

— Ты ведь давеча сама призывала меня к экономии.

— Призывала. Но не ценой моего спокойствия!

— О, так ты надеялась, что я...

— Иди бери вторую комнату.

— Свободных комнат больше нет.

— Тогда ты спишь на конюшне.

— Свободных мест на конюшне тоже нет.

— Ненавижу тебя!

С силой, удвоенной гневом, Лара хлопнула дверью и отправилась к хозяину гостиницы, в которой ей и Андреасу предстояло провести ночь. Хозяин и его жена, греясь у очага, ужинали наваристым супом.

— Скажите, — начала Лара, — нет ли у вас комнат с двумя кроватями?

— В вашей комнате стоит весьма удобная кровать для двоих, — с неожиданным укором сказал хозяин.

— Да, но я хотела бы спать отдельно.

— Вы и ваш спутник разве не молодожёны? — удивился он.

Лара поняла: любой её ответ — что положительный, что отрицательный — вызовет у мужчины похабную усмешку.

«Шлюха», — ясно сказал его взгляд раньше, чем она придумала убедительное оправдание.

— Мы брат и сестра, — настаивала Лара.

Ни один из супругов ей не поверил.

— Мне больше нечего вам предложить, — равнодушно ответил хозяин, возвращаясь к трапезе.

— Прискорбно.

«Надо продержаться всего одну ночь, — уговаривала себя Лара, поднимаясь обратно в комнату. — Завтра к обеду мы прибудем в Дрезден, и мне больше не придётся изображать неприступную крепость. Скорей бы кончилось это путешествие!»

Когда она вошла, Андреас меланхолично избавлялся от штанов.

— Не раздевайся, — запретила Лара.

— Да что ты там не видела? — отмахнулся тот.

— Вот именно, я видела всё. Пощади мои глаза.

— Мне жмёт!

Лара стремительно и с треском закрыла дверь ногой.

— Но я же терплю!

— Ты в юбке, — парировал Андреас, однако штаны в покое оставил. — Тело должно отдыхать хотя бы ночью.

— Наверное, за годы кошачьей жизни ты чересчур привык обходиться без одежды, — пробормотала Лара, скидывая башмаки.

Андреас не сводил с неё глаз, даже не пытаясь сохранить видимость товарищеских отношений.

— Я хочу, чтобы у нас было как раньше, — сказал он без затей.

Лара села к нему спиной с другой стороны кровати, снимая чулки.

— Как раньше не будет.

— Это говорит твой разум, — ложась, заметил Андреас. — Не может быть, чтобы от той страсти не осталось и следа...

— Не было никакой страсти, — нарочито зевнула Лара и, не оборачиваясь, положила голову на подушку. — Мною владело лишь любопытство.

— Нет, это была страсть!

— Любопытство.

— Страсть!

— Страсть к экспериментам.

— Врёшь! — Ни тени сомнения в голосе. — Я помню, какой ты была, с какими глазами ты садилась сверху, сжимая меня бёдрами, и шептала...

— Пошёл вон! — разозлилась Лара, фурией перекачиваясь на другой бок и одновременно — на колени. Заткнуть этот всезнающий рот навсегда было так важно и необходимо, что о последствиях не думалось. — Если ты не прекратишь, я выставлю тебя за дверь! Ты слишком много помнишь, забудь это! Забудь!

Её руки вдавливали ненавистные плечи в матрас. Но его зелёные глаза торжествовали. Только увидев под собой разгорячённое лицо Андреаса, его готовность и желание, Лара пожалела о своём порыве.

За полсекунды до того, как он потянулся к ней, она убрала руки и отпрянула.

Андреас шумно выдохнул.

— Ох, Лара... Я бы не смог забыть, даже если бы захотел. — Он раздвинул губы в мечтательной улыбке. — Помнить всякую неудачу, будто она случилась вчера, — ужасная мука. Но помнить каждый миг твоей нежности — не такая уж горькая участь.

— Чёрт бы побрал твою абсолютную память, — проворчала Лара, снова ложась и натягивая шерстяное одеяло до подбородка. — Спи, нам завтра чуть свет вставать.

Она почувствовала, как он касается её разметавшихся волос.

— Просто знай — я не намерен довольствоваться одними воспоминаниями.

Лара отодвинулась и посмотрела на него через плечо.

— Твой голос снился мне в кошмарах. И после этого ты ждёшь какой-то нежности?

— В каких кошмарах?

— В которых я беспомощная кошка, — бросила Лара, с удовлетворением отмечая, что в глазах Андреаса наконец мелькнуло понимание. — Просто знай — чем больше ты будешь бравировать своим упорством, тем упорнее я буду тебя избегать. Спокойной ночи.

«Две ночи подряд — бок о бок с бывшим врагом. О каком спокойствии может идти речь?..»

Лара проснулась от странного сочетания тепла и холода. Холодно было снаружи, а тепло — внутри, под одеялом. Настолько тепло, что создавалось

ощущение уютной тесноты. Вылезать из этого кокона не хотелось ни за какие сокровища, хотелось остаться в нём до весны и никуда не ехать.

«Я словно медведица, что ненароком пробудилась от спячки», — подумала Лара и потёрлась обо что-то щекой. Подушкой это не было. Что-то гладкое, приятно-знакомое... Знакомое?

Она распахнула глаза. Собственный бешеный пульс перекрывало чужое прохладное дыхание. Такое же тяжёлое, как и руки соседа по ночлегу.

— Не трогай меня!

— Я замёрз, — сквозь сон пробормотал Андреас, ещё крепче прижимая её к себе.

Грудь Лары оказалась вдавлена в его рёбра. Она едва не задыхалась — то ли от ярости, то ли от нестерпимого жара.

— Какого чёрта ты спишь полуголым, если давно не лето? Сейчас же проснись и отпусти меня, наглый котятра!

— М-м, не мешай...

— Не мешать? — возмутилась Лара и, найдя свои руки прижатыми к животу наглеца, с чувством ущипнула его.

Наглец сонно дёрнулся.

— Лара, к чему так спешить? — Его глаза приоткрылись, чтобы уставиться в её.

— Отпусти меня.

— Разве я тебя держу?

— Держишь.

Андреас не одну секунду обдумывал происходящее, прежде чем разжал руки, и, получив свободу, она отползла к краю кровати. Простыня неприятно охладила пятки. Лара выдохнула, чтобы проверить,

насколько в комнате холодно. Когда изо рта пошёл пар, она в ужасе выскользнула из-под одеяла и принялась натягивать чулки.

За окном синел осенний предрассветный мир.

— Воздух ледяной!

— Оттого я и замёрз. — Андреас по-кошачьи свернулся под одеялом.

— Надо согреться. Нам ещё ехать часов шесть, и вряд ли на улице теплее, чем в доме.

— Я знаю быстрый способ согреться, — неожиданно бодро сказал бывший кот.

— Я тоже, — отозвалась Лара, кидая в него подушку. — Нужно просто выпить горячего.

«Или горячительного» — вспомнила она и втиснула ноги в башмаки.

— Я скоро приду.

Лара спустилась вниз и, погрев руки у догорающего очага, вышла в студёный двор. Зайдя в каретник, она открыла дверцу золочёной кареты и сунула руку под сиденье. Три ящика коньяка были на месте.

Вернувшись в комнату с бутылкой, Лара замешкалась на пороге — одетый Андреас сидел за столом и разливал по кружкам что-то дымящееся.

— С завтраком придётся обождать, зато хозяйка поделилась кипятком, — хвастал он, опасно приподняв котелок. — Что там у тебя?

Лара смущённо показала бутылку.

— Ох ты ж. Ну и кто из нас пьяница? — злорадствовал Андреас.

— После знакомства с тобой я задаю себе тот же вопрос, — кивнула она. — Отнесу бутылку обратно.

— Неси сюда! Сделаем глинтвейн, только без пряностей и с коньяком.

Андреас привычным движением откупорил бутылку, плеснул в кружку янтарной жидкости, и больше Лара ничего не помнила. В следующий — уже осознаваемый — миг она сидела на козлах кареты, прижимая бутылку к груди.

«Как я сюда попала?!»

Лара осмотрелась — Андреас в камзоле из чёрного бархата стоял внизу перед Адской Тьмой и прочими запряжёнными кобылами и тряс обширной бумагой.

— Вот, смотрите. Мы находимся здесь, а надо нам туда, где написано «Дрезден». Всё ясно?

В лошадином ржании легко угадывалось недоумение.

— Что тут непонятного? Вот дорога, там лес...

— Ты где карту достал? — совсем удивилась Лара.

— У хозяина купил, — ответил собутыльник. — Забыла? Ещё попрекала меня тем, что я деньги неразумно трачу и вообще можно на указатели смотреть.

— Когда ты успел посадить меня на козлы?

— Да ты сама на них залезла.

Испуганная Лара вцепилась одной рукой в сиденье, но бутылку не выпускала.

— Андреас, поди сюда. Похоже, у меня провалы в памяти...

Тот коротко засмеялся.

— У тебя в памяти не провалы, а проливы. Коньячные.

— Сколько же мы выпили?!

— Зато не холодно. Не отвлекай. Не видишь, дорогу показываю? Тьма! Ты скажи своим подружкам... — Андреас сунул пальцы в рот и звонко свистнул. —

Девки! На меня смотреть. Если понятно — машем головой вниз, а непонятно — в стороны. — Он старательно показал на себе. — Всё ясно?

— Андреас, ты пьян, — озарило Лару.

— Кто пьян? Это ты пьяна — бутылку, как родную, обнимаешь.

— Спорим, я берегла её от тебя? — Она наконец взгляделась в мутное стекло своего трофея. — Но бутылка почти полная...

— Так это вторая.

— Андреас, мы напились! — с тревогой воскликнула Лара. — Как мы до столицы-то доедем?

— Это ты напилась, а я всего три кружки опрокинул — и те разбавленные, — отрекся тот.

— Ты разговариваешь с лошадьми!

— Так мы с Адской Тьмой и по трезвости беседуем.

— Да, но ты объясняешь лошадям дорогу!

— Не объясняю, а показываю! — Андреас встряхнул карту и ткнул в неё пальцем, чуть не порвав. — Потому что сам я ни черта в этих значках не понимаю!.. — Он помолчал, цокнул языком и вздохнул: — Мы напились.

«Дал бог попутчика», — мысленно проворчала Лара и велела:

— Покажи карту.

— Ох, киса, если я не разобрался, то ты тем более не одолеешь.

Лара придала лицу самое хмурое выражение, на какое была способна.

— Я имею в виду, что... ты же больше меня выпила, — примирительно заулыбался Андреас. — Ты когда вторую бутылку сцапала, уже водой не разбавляла — с горла пила.

— Что же ты меня не остановил? — подбоченилась Лара, не выпуская коньяк.

— Ты меня этой бутылкой бить грозила. Кобылы подтвердят. — Бывший кот кивнул на Тьму и её товарок. — Или не веришь?

— Верю. — Лара протянула руку, стараясь не слишком наклоняться, чтобы, не приведи господь, не свалиться с козел. — Карту дай.

Андреас был прав — разобраться в линиях и знаках оказалось непросто, но признавать это вслух Лара считала ниже своего достоинства. А потому, покачиваясь, спустилась на землю и отдала лошадям распоряжение:

— Едем прямо. Как увидите перекрёсток.. — Она бросила в карту притворно-небрежный взгляд. — Тогда налево поверните.

— Как кобылы догадаются, где лево, а где право? — пристал Андреас.

— По шуму воды. Левая дорога ведёт к реке, на которой стоит Дрезден. — Лара снова обратилась к лошадям: — Тьма и прочие..

— Надо дать им имена, — вмешался бывший кот.

— Кому?

— Лошадям. Им, должно быть, обидно, что у Адской Тьмы имя есть, а у них — нет.

— Ты уверен, что имени Адская Тьма можно позавидовать?

Андреас пьяно отмахнулся и, в задумчивости прижав палец к губам, принялся щедро раздавать кобылам имена:

— Снежинка! Ромашка! Весна! И Адская Тьма.

— Они же серые, — сказала Лара.

— Не суть.

— Ладно. В общем, так, Тьма, Снежинка...

— Ромашка, — подсказал Андреас.

— ..Ромашка и... Весна. На перекрёстке поезжайте в сторону реки. Или ржать начните, чтобы мы вас направили.

— В крайнем случае у местных спросите, — поддержал бывший кот.

Пропустив его шутку мимо ушей, Лара открыла дверцу и поставила не востребовавшую бутылку обратно в ящик.

— Вы меня, конечно, извините, но я пошла спать! — объявила она, устраиваясь поудобнее.

Следом за ней в карету сел Андреас.

— Я тоже подремлю...

— А кто на козлах будет сидеть? — запротестовала Лара.

— Там спать жёстко. И дует, между прочим.

— Да при чём тут это? Что подумают люди, если увидят карету без кучера?!

— Я лучше буду мягко спать, чем волноваться о том, что подумают один или два человека, которые встретятся нам в пути, — ответил Андреас и высунул голову из окна. — Снежинка, Ромашка, Весна и Адская Тьма, вперёд!

Самым удивительным было то, что кобылы верно поняли все объяснения и довели их до стен Дрездена без приключений. Хотя Лара и Андреас уснули в разных углах кареты, проснулись они голова к голове.

— Ты слишком близко, — проворчала Лара.

— Ты сама на меня улеглась.

— Мог бы и сбросить, я бы не обиделась.

— Ты бы ушиблась.

Лара приняла независимый вид и отползла к окну. Пейзаж давно переменялся — карета проезжала по каменному мосту через Эльбу. Они остановили кобыл, чтобы сесть на козлы.

— Какие у нас умные лошади, — отметила Лара, собирая волосы в узел.

— Угу, — согласился Андреас. — Особенно если учесть, что, кроме Тьмы, они все заколдованные мыши.

— Ну ты и скупердый.

У городских ворот стояли стражники, которым надлежало заплатить пошлину.

— Откуда едете? — поинтересовался один из них, окидывая золочёную карету оценивающим взглядом.

— Из Кемница, — ответил бывший кот.

— Беженцы?

Лара и Андреас переглянулись.

— Нет, путники, — возразила Лара.

— Все вы так говорите. Проезжайте.

Вскоре после въезда в столицу Лара отметила, что Дрезден куда больше Кемница и от войны пострадал куда меньше.

— Гляди, какая красота! — восхитилась она, заведя трёхэтажный замок в стиле ренессанса с множеством пристроек.

— Здесь живёт наш курфюрст, — блеснул познаниями Андреас.

Они доехали до Нового рынка, где шла оживлённая торговля. Кого только не было на рыночной площади — сыроделы, молочники, пекари, мясники, стеклодувы, гончары, кукольники. Лара, никогда не видевшая в Кемнице столько народа, с любопытством вертела головой. Душистые запахи еды и рез-

кая вонь, характерная для городов, слились в один тошнотворный аромат, который воскресил в её памяти недоброе воспоминание...

Андреас хотел уже сойти с козел, когда Лара обрушила ему на плечо ладонь.

— Погоди.

— В чём дело?

— Сын Крэхэ говорил, что в Дрездене была чума. Бывший кот изменился в лице.

— Как хорошо, что ты об этом вспомнила. Очень своевременно!

— Хотя, наверное, чума уже прошла, иначе бы люди так не толпились, правда? — сказала Лара, пытаясь развеять собственный страх.

Но Андреас не давал ей ложных надежд:

— Ты хочешь заразиться? А вдруг они пока не знают, что больны?

Некоторое время они сидели на козлах, прижавшись друг к другу, и с подозрением всматривались в лица беспечно гуляющих внизу людей. Лара подавала голос первой:

— Что будем делать? Вроде бы замертво никто не падает.

— А вон тот, гляди, как кашляет. — Андреас показал на тощего старика. — Вот-вот богу душу отдаст. Ещё посидим?

— Посидим, — обречённо кивнула она.

Андреас накрыл её руку ладонью и сплёл пальцы со своими. Они просидели на козлах добрых три минуты — и Лара не сдержалась:

— Нам что, до скончания веков так сидеть?!

— Можно вернуться в мою деревню, — предложил Андреас, а когда Лара со стоном уронила голову

на руки, добавил: — Но так и быть, давай у кого-нибудь спросим.

— Вот так запросто? «Как у вас дела с чумой?»

— А что ещё прикажешь делать? Э-э... Любезный! — крикнул он торговцу, что нёс за спиной короб с деревянными игрушками. — Как найти ближайшую мебельную лавку?

Тот показал на обветшалую церковь.

— Обогните церковь Богородицы да ступайте вдоль реки.

— Благодарю! А-а... скажите, нет ли в городе чумы? — настороженно уточнил Андреас.

— Солдаты ушли, и то счастье. — Мужчина поднял указательный палец. — Война — это та же чума.

— Спасибо, — облегчённо выдохнул Андреас и похлопал Лару по колену. — Чума закончилась, слезай!

— Дай бог, чтобы мои родители были живы, — порбормотала она, спускаясь на землю.

Хозяин мебельной лавки внимательно выслушал их просьбу и проводил в мастерскую, где трудились мужчина лет сорока с красным лицом и четверо юношей. И мастер, и его подмастерья глядели на Лару так, словно женщины никогда не переступали порог их святилища.

— Добрый... день, — надломленным голосом поздоровалась она.

— Добрый, — с выжиданием откликнулся мастер.

— У вас... ребёнок, случаем, не пропал?

И без того красное лицо совсем побагровело.

— Ты что такое говоришь?

— Не сейчас, нет, — успокоила Лара. — Восемнадцать лет назад.

— Восемнадцать лет назад я ещё имел счастье быть неженатым.

Юнцы засмеялись, отчего Лара совсем расстроилась. Слово взял Андреас:

— Вы, должно быть, знакомы со всеми мебельными мастерами?

— Знаком, но не со всеми, — ответил мужчина.

— У кого-нибудь из них восемнадцать лет назад пропадала годовалая дочь?

Мебельщик задумчиво вытер тряпкой лоб.

— Вам надо к мастеру постарше обратиться. Запоминайте, как его сыскать...

Лара и Андреас поехали по новому адресу. Лавкой руководил пожилой мастер, который выказывал недовольство тем, что его отвлекли от работы. Но едва старик услышал вопрос Лары, как взгляд его потеплел, и он улыбнулся:

— Хочешь сказать, что это ты?

Она с надеждой кивнула.

— У старого Франц-Ганцен-Мюллера как-то пропал маленький ребёнок, — поведал мастер. — Не помню, мальчик или девочка.

— Франц... кто? — поморщилась Лара.

— Франц-Ганцен-Мюллер, — без запинки повторил Андреас и хмыкнул. — Сочувствую, киса.

— Спасибо, — грустно вздохнула та.

Мастер достал из ящика стола бумагу и чернила.

— Я напишу название улицы.

— Лара Франц-Ганцен-Мюллер, — потешался Андреас, когда они покинули лавку.

— Да мне вся жизнь понадобится, чтобы запомнить собственную фамилию! — проворчала Лара, глядя в заветный ключок.